

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
М91

Liz Moore
LONG BRIGHT RIVER

Copyright © 2019 by Liz Moore Inc.

Школа перевода
В. Баканова

Художественное оформление А. Саукова

Мур, Лиз.

М91 Алая река / Лиз Мур ; [перевод с английского Ю. В. Фокиной]. — Москва : Эксмо, 2020. — 448 с.

ISBN 978-5-04-109564-2

Сотрудница полиции Мики Фитцпатрик годами патрулировала 24-й район Филадельфии. Она знает почти всех здешних проституток по имени. Ей хорошо знаком цвет, вкус и запах полной безысходности. Она в курсе, на что идут люди ради дозы. Она находила на улицах тела умерших от дури; с каждым годом их количество лишь возрастало. И каждый раз, приезжая на вызов и видя холодное, окоченелое тело, Мики молилась: «Только не Кейси, хоть бы не Кейси!» Только не ее сестра, уже давно покотившаяся по наклонной и продающая себя за дозу.. Особенно теперь, когда на улицы района вышел серийный убийца, охотящийся за такими, как Кейси. Мики в раздоре с сестрой – но она с детства привыкла заботиться о ней. И она понимает: спасти Кейси нужно прямо сейчас. Или уже никогда...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-109564-2

© Фокина Ю.В., перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Посвящается М.А.Ч.

Что сказать о нынешнем Кенсингтоне — о протяженных авеню, о резиденциях, более похожих на дворцы, о живописных домиках? Что еще не известно нам про этот город в городе, прильнувший к груди безмятежной реки Делавэр? Здесь процветает деловая инициатива; здесь фабрики столь многочисленны, что дым из их труб застит небеса, а гулом механизмов полнится обширное пространство. В сей земле изобилия счастливый народ не ведает нужды. Отважные мужчины и благородные женщины произвели целое поколение стойких и упорных детей, что станут достойными преемниками своих родителей, когда те завершат земной путь. Да вольется свежая кровь в жилы Кенсингтона, а через них — и в жилы всей Филадельфии! Да будет украшен сим венцом наш славный Континент!

«Город в городе»,
анонимный автор, 1891 г.

*Ни смут, ни разногласий — голосов —
и тех в Земле Блаженных не слышать.
Покоит остров сей морская гладь,
не наблюдают местные часов...*

*Нам, лотофагам, ведомо: не смерть
страшна. Куда страшнее — бытиё.
Жестока и жестка земная твердь,
слезьми да кровью не смягчишь ее.
Зачем же очи к небу подымать,
гневить пустыми просьбами богов,
когда уже от них получен в дар
сладчайший полусон, густой нектар
забвения?..*

*Мерцают пузырьки
с исподу спущенных, как шторы, век;
змеится морок пурпурной реки...
Останься с нами, здесь, бродяга-грек!
Вон, золотом расплавленным залит
песок. Полудня нет: всегда — закат.
К потоку снова обрати свой взгляд.
Неужто всё душа твоя блажит?
Неужто ярче яхонт иль агат,
чем этих вод уверенный распад?*

Альфред Теннисон
Из поэмы «Лотофаги»

СПИСОК

Шон Гейген, Кимберли Гуммер; Кимберли Брюэр, ее мать и дядя; Бритт-Энн Коновер; Джереми Хаскилл; двое младших сыновей Ди Паолантонио; Чак Бирс; Морин Говард; Кайли Занелла; Крис Картер и Джон Маркс (с разницей в один день, оба — жертвы передозировки); Карло, не помню фамилии; парень Тейлор Боуз; годом позже — сама Тейлор Боуз; Пит Стоктон; внучка бывших соседей; Хайли Дрисколл; Шейна Питревски; Дони Джейкобс и его мать; Мелисса Джилл; Меган Морроу; Меган Гановер; Меган Чисхолм; Меган Грин; Хэнк Чамблисс; Тим и Пол Флорс; Робби Саймонс; Рикки Тодд; Брайан Олдрич; Майк Эшмен; Черил Сокол; Сандра Броуч; Кен и Крис Лоуэри; Лайза Моралес; Мэри Линч; Мэри Бриджес и ее племянница, с которой они были ровесницами и подругами; Джим; отец и дядя Мики Хьюз; два двоюродных деда, с которыми мы редко виделись. Наш бывший учитель мистер Полз. Сержант Дейвис из 23-го. Наша кухня Трейси. Наша кухня Шэннон. Наш отец. Наша мама.

Сейчас

— У нас труп, — сообщает диспетчер. — Герни-стрит, Трекс. Женщина неопределенного возраста. Предположительная причина смерти — передозировка.

Первая мысль: Кейси.

Она, эта мысль, засела во мне крепко. На каждое сообщение о мертвой женщине организм реагирует, как на укол, — содроганием. Затем — нехотя, словно исполнительный, но наскучивший службой солдат — вступает разум. Приводит статистику: за прошлый год в Кенсингтоне от передозировки умерли 900 человек. И Кейси среди них нет. Так какова вероятность, что сейчас речь идет о ней?

Далее, этот караульный, этот ответственный за мою адекватность, наваливается на меня с упреками — где твой профессионализм? Ну же, расправь плечи. Вот так. Теперь улыбочку! Сделай лицо попроще. Брови не хмурь. Подбородок не выдвигай. Занимайся чем положено.

Целый день катаюсь с этим новеньким, Лафферти, по вызовам. Натаскиваю его. В ответ на мой кивок Лафферти откашливается, вытирает рот. Ясно — нервничает.

— Двадцать шесть тринадцать, — произносит он.

Это номер нашей служебной машины. Надо же, запомнил.

— Сообщение анонимное, — продолжает диспетчер. — Поступило с телефона-автомата.

Да, они еще сохранились на Кенсингтон-авеню. Но, насколько мне известно, в рабочем состоянии только один.

Лафферти смотрит на меня, я — на него. Жестом ободряю: давай, задавай вопросы.

— Вас понял, — говорит он в свою рацию. — Конец связи.

Неправильно. Подношу к губам свою рацию. Голос звучит отчетливо:

— Сведения о дислокации?

Выслушав ответ диспетчера, инструктирую Лафферти: не стесняйся задавать вопросы, а то многие новички-полицейские насмотрелись детективных сериалов, слизнули эту манеру — говорить кратко, будто всё знают. А надо вытащить из диспетчера максимум подробностей.

Прежде чем успеваю закрыть рот, Лафферти обрывает:

— Вас понял.

Меряю его взглядом.

— Супер, Лафферти. Просто супер.

Мы всего час знакомы, а я его раскусила. Лафферти любит потрещать. Мне о нем уже известно куда больше, чем ему обо мне. У Лафферти — амбиции. И гонор. Сноб, короче, этот Лафферти; сноб и пижон.

Он из тех, кто боится, как бы его не назвали нищесбродом, или слабаком, или тупым; до такой степени боится, что ни в жизнь не признается в наличии соответствующих проблем. Я, напротив, отдаю себе пол-

ный отчет в своей бедности. Особенно теперь, когда Саймон больше не шлет чеки. А как насчет слабостей? Пожалуй, и они наличествуют. Мое упрямство сродни ослиному — я, например, неизменно отказываюсь от помощи. Кроме того, я не из храбрых: едва ли заслону товарища от пули и даже на проезжую часть не выскочу в погоне за преступником.

Бедная? Да. Слабая? Да. Тупая? Нет, это не про меня.

Сегодня снова опоздала на планерку.

Стыдно признаться — это уже третий раз за месяц. Ненавижу опоздания. Минимум, который требуется от полицейского, — пунктуальность. Сержант Эйхерн поджидал меня в позе Наполеона.

— А, Фитцпатрик! Милости просим, милости просим... Сегодня вы с Лафферти. Машина номер двадцать шесть тринадцать.

— Кто это — Лафферти? — ляпнула я. Надо же было так опростоволоситься. Жебовски, который вечно сидит в уголке, сразу заржал.

— Лафферти — вот он, — произнес Эйхерн, указывая налево.

Тут-то я его и увидела. Эдди Лафферти, второй день на районе. Уставился в свой пустой блокнот. Когда назвали его имя, окинул меня быстрым оценивающим взглядом. Наклонился, будто заметил что-то неподобающее на собственных ботинках — к слову, надраенных до зеркального блеска. Поджал губы. Тихонько присвистнул. В этот миг я его почти жалела.

А потом он расселся на пассажирском сиденье.

И вот они, факты об Эдди Лафферти, которые открылись мне за первый час знакомства. Ему сорок три

года, старше меня на одиннадцать лет. В программу «Личностное и профессиональное развитие» вступил поздно. До последнего времени работал в сфере строительства, затем прошел медобследование («Тогда спина замучила, — доверительно сообщает Эдди Лафферти. — Она и сейчас еще беспокоит. Чур — это между нами»). Только что закончил курсы. Был женат три раза, имеет троих почти взрослых детей. Имеет дом в горах Поконо. Тренируется с гантелями («Из фитнес-клуба не вылезая!»). Страдает дефицитом внутренней ротации плеча. И периодическими запорами. Вырос в Южной Филадельфии, сейчас живет в Мейфэре. Сезонный абонемент на «Филадельфийских орлов»¹ делит с шестью приятелями. Его последней жене чуть за двадцать. («Наверное, в этом проблема и была. Девчонка она еще»). Играет в гольф. Взял из собачьего питомника двух питбулей-полукровок, их зовут Джимбо и Дженни. В старших классах играл в бейсбол. Кстати, в одной команде с нашим сержантом Кевином Эйхерном; он-то и предложил Эдди Лафферти поступить в полицию. (А, ну тогда понятно!)

А вот что Эдди Лафферти узнал обо мне: я люблю фисташковое мороженое.

Целое утро только и делаю, что пытаюсь закачать базовую информацию о районе в редкие паузы, которые возникают между тирадами Лафферти.

¹ «Филадельфия иглз», т.е. «Филадельфийские орлы» — название профессионального клуба по американскому футболу, выступающего в Национальной футбольной лиге. — *Здесь и далее прим. пер.*

Кенсингтон, говорю я, это один из новейших районов в городе Филадельфия — очень старом, по американским меркам. Филадельфия, продолжаю я, была основана в тридцатых годах восемнадцатого века англичанином Энтони Палмером, купившим участок ничем не примечательной земли и назвавшим его в честь лондонского района, где как раз тогда появилась официальная резиденция британских монархов. (Наверное, Палмер тоже был снобом и пижоном. Или оптимистом — так оно мягче звучит.) Продолжаем. Восточная часть нынешнего Кенсингтона располагается в одной миле от реки Делавэр, но в прежние времена она включала и саму реку. Соответственно, первыми в городе появились такие отрасли, как кораблестроение и рыболовство. Уже к середине девятнадцатого века начинается эра промышленного развития. Пик этой эры ознаменован процветанием сталелитейной, текстильной, а также фармацевтической промышленности. Однако век спустя фабрики стали закрываться целыми дюжинами. Стартовал упадок Кенсингтона — сначала темпы были низкие, затем все покатило в тартарары. Многие жители снялись с мест, переехали кто в другие районы Филадельфии, а кто и за городскую черту; все искали другой работы. Некоторые остались — из верности или в иллюзорной надежде на перемены. Сегодняшний Кенсингтон населяют в равных долях потомки ирландцев, что приплыли сюда в девятнадцатом и двадцатом веке, и мигранты новой волны — пуэрториканцы и прочие латиносы; плюс несколько сравнительно малочисленных диаспор — этакая прослойка в демографическом пироге. Я говорю об афроамериканцах, выходцах из Восточной Азии и с Карибских островов.

Сегодня район скукожился и умещается между Франт-стрит, которая тянется к северу от восточной

части Филадельфии, и Кенсингтон-авеню. Обычно ее называют просто Аве; кто-то вкладывает в это слово горькую иронию, кто-то — симпатию. Вытекает Аве из Франт-стрит и стремится на северо-восток. Железнодорожное полотно для электрички от Маркет-Фрэнкфорда — или, короче, для Эль (ибо разве может город с ником «Филадельфия» оставить без аббревиатуры хоть что-нибудь значимое?) — проходит над Франт-стрит и Кенсингтон-авеню. Следовательно, обе улицы затенены большую часть дня. Поддерживают железнодорожное полотно стальные опоры голубого цвета — этакие ноги. Расстояние между ними составляет двадцать футов, так что издали вся конструкция кажется гигантской многоножкой, нависшей над районом. Подавляющее большинство сделок — а продаются здесь только наркотики и сексуальные услуги — заключается на основных районных «артериях», а продолжение имеет в переулках и тупиках (чаще — в заброшенных домах и на пустырях). Этих последних здесь полно — почти каждая улица упирается в пустырь. Главная улица пестрит вывесками: «Ногтевой сервис», «Закусочная», «Салон сотовой связи», «Супермаркет», «Фикс-прайс: любой товар за 1 доллар». Имеются ломбарды, бесплатные столовые и другая благотворительность, а еще бары. Около трети фасадов заколочена.

И все-таки район развивается. Взять хотя бы стройку слева от нас — здесь будет кондоминиум. Место долго пустовало — с тех самых пор, как снесли фабрику. Ближе к границам Кенсингтона открывают бары и офисы; например, их уже немало в Фиштауне, где прошло мое детство. Население молодеет. Новые жители — честные, наивные, при деньгах. Идеальная добыча. Вот мэр и озабочен. Вот и талдычит: нужно больше патрульных полицейских. Больше, больше, больше.